Леонтьева Зинаида Васильевна

КОММУНАР
г. Тула
26 ОКТ 1979

Люди искусства

ИГРАТЬ, ТВОРИТЬ — ЖИТЬ!

ПРЕДСТАВЬТЕ себе женщину изящную, легкую, быструю в движениях, чем-то неуловимо юную в ее годы. Женщину красивую, я бы сказала, трепетную, потому что это старомодное слово как нельзя лучше передает удивительную переменчивость выражений ее лица, мгновенную реакцию на мысль собеседника, постоянную... даже не доброжелательность, а готовность, стремление откликнуться, броситься на помощь, выразить сочувствие...

Наверное, это одна из сторон артистичности натуры, а для актера — качество личности, профессионально необходимое. Чем иначе обеспечить обязательную в этой профессии восприимчивость, способность к перевоплощению, абсолютному сопереживанию?

Стремление отбирать из окружающей жизни истинно красивое, видимо, другая сторона артистичности человека. Безошибочный отбор прекрасного, идущий вовсе не от осознанного решения, а как врожденное качество личности... «Как красиво, как точно она движется! — думаю я, глядя на актрису Зинаиду Васильевну Леонтьеву. — А ведь она не на сцене, она дома, просто прибирает то да это... Как изящно, выразительно разливает она чай по крошечным чашкам... Чаепитие получается как на сцене... Как выразительно каждое слово в ее устах!».

Потом я догадываюсь: она играет. Играет, сама того не замечая, проживает каждую секунду своей жизни, как на сцене. Это — постоянный тренаж, как автоматическое проигрывание гамм музыкантом, как безотчетное подчас набрасывание кистью мазков на холст художником...

У нее в квартире не загромождено, здесь не бьет в глаза богатство, но каждая вещь прекрасна в своем роде, все — «со смыслом». Фарфор — старинный, кружево воротника на домашнем платьице — настоящее, книги — Толстой, Моэм, Флобер, Бальзак, Куприн... Вазы, цветы. Она отбирает из жизни, как пчела с цветков, все нужное для своего, артистического, самочувствия. И этот простенький вечер с чаепитием вдруг стал ощущаться как небольшой импровизированный спектакль — актриса играла Актрису. Актрису старой школы. Ей это было нетрудно...

НО ВОТ приходит роль — и весь этот по крохам, по кирпичикам собираемый материал — все эти подмеченные, подслушанные, сто раз повторенные интонации, жесты, взгляды, движения начинают работать на нее. На роль, единственно важную сегодня.

Однажды Зинаиду Васильевну остановил на улице пожилой человек:

— Простите, вы актриса Леонтьева?

— Да...

— И это вы в сорок шестом году в нашем ТЮЗе играли Ульяну Громову?

— Вы угадали!

Ульяна Громова. Леонтьева играла ее первой в стране, Тульский ТЮЗ первым поставил «Молодую гвардию» А. Фадеева. Ульяна... Чтение и перечитывание романа, воспоминаний родных и друзей героини. Чистая, строгая, волевая. Одержимая одной мыслью: в немецком рабстве жить нельзя! Но ведь она — обыкновенная девушка. Откуда рождается героизм? Запись в дневнике Ульяны Громовой: «Воля заключает в себя всю душу и делает чудеса» — проливает на это свет. Так возникла Ульяна Зинаиды Леонтьевой — юная, непреклонная, стремительная, с огромными беспощадными глазами, в которые больно смотреть,— душа и совесть подпольной организации. Роль, которую помнят туляки.

Наверное, уже в годы войны собирался по крупицам этот образ — в спектаклях на железнодорожных платформах, в госпиталях, в теплушках, на лесных полянах, после которых благодарные бойцы кормили шатавшихся от голода артистов своим солдатским обедом, а когда случалась в том нужда, исполнители ролей становились донорами — такое было не раз...

Здесь рождалась в юной актрисе, вчерашней студийке Тульского драматического театра, мужество, понимание жизни и человеческой души в их обнаженности, в их крайних проявлениях — между жизнью и смертью. Здесь училась любить жизнь, ценить и радостно проживать каждую ее минуту. Это поколение не могло быть инфантильным — оно жило всерьез.

ПОТОМ были роли, роли... Играла щедро, взахлеб. Театр юного зрителя в послевоенные и пятидесятые годы жил полнокровно, город любил и посещал его. Леонтьеву тех лет до сих пор помнят туляки в тех ролях, которые стали и ее на всю жизнь любимыми: Джемма в «Оводе», Катя Татаринова в «Двух капитанах», героини пьес А. Н. Островского, Софья в «Горе от ума», бесконечное множество сказочных персонажей... Нет нужды в перечислениях, достаточно сказать — их было около трехсот! В это число вместилась жизнь.

В каком бы спектакле ни видела Зинаиду Васильевну Леонтьеву, возникает ощущение актрисы высокого класса, как говорят — старой школы. Выходит она на сцену — и все становится неуловимо другим, будто особый какой-то свет исходит от нее. Откуда эта «старая школа?»

— Как откуда? — удивляется она. — Моими учителями были режиссеры. А у каких режиссеров я играла, вы только представьте себе! Синельников, Каратов, Громов — это же были имена! Дюмон — выпускник второй студии МХАТ. Дзилеранский — ученик Мейерхольда! Это разве не школа?

Без Зинаиды Васильевны невозможно представить Тульский ТЮЗ. И это в театре понимают — она наставница молодежи. Это кладезь всяческих театральных сведений, вкуса, понимания того, этого... Зинаида Васильевна подскажет: нельзя молодой женщине, репетируя роль из классической пьесы, до последней репетиции появляться в брюках — походка будет «не та». Она воюет за грим, не может смириться с модной манерой выходить на сцену «со своим» лицом, для нее это — «не в образе». Она подскажет стиль и фасон платья, не только нарисует — сама сделает любую пляцу...

ОНА «прожила» свои роли во всех пьесах Розова. Она играла комсомолок и «салонных» героинь, школьниц и светских красавиц — счастливая внешность, врожденное благородство манер, восприимчивость к опыту мастеров сцены позволили ей играть много и удачно. Но время идет... И однажды ты видишь, что уже не можешь играть Софью в «Горе от ума» — пришла пора играть Наталью Дмитриевну. А спустя еще годы тебе предлагают роль княгини Тугоуховской...

Это неизбежно, и всегда больно. Немало актрис, переживающих этот перелом как трагедию. Почитают себя оскорбленными, ищут злопыхателей, лелеют свои обиды и в конце концов отравляют жизнь себе и окружающим...

Этот набор был не из репертуара Зинаиды Васильевны. Она обнаружила, что пришел по-своему благословенный возраст, возраст мастерства и свободы.

— О, в любом возрасте есть свои счастливые моменты! — сияя своими огромными глазами, сказала она. — Я сыграла Бабу Ягу!

Но какая это была Баба Яга! Веселая и озорная. Лохматая, в отрепьях, высовывалась она из избушки, радостно, но чуть-чуть страшно улыбалась и заявляла: «А вот и я!»

— А потом я сыграла бабушку в «Красной Шапочке». Какой надо было сделать эту бабушку? Да какой хочу, решила я. В конце концов сказка — это притча, главное — в ней есть Добро и Зло. А какой характер дам я героине, какими красками ее нарисую — мое дело, лишь бы было убедительно. Я искала, искала... Потом в старой книге сказок братьев Гримм вдруг увидела рисунок. Бабушка! Кривенькие ножки в полосатых чулочках... Вот! От этих ножек все заиграло.

ГДЕ ШУТЯ, подсмеиваясь над собой, где серьезно, рассказывает Зинаида Васильевна о нелегком переходе к возрастным ролям, о новом поиске себя на сцене. Теперь надо было достигать новых граней мастерства, добиваться характерности в каждой роли, искать то комические, то трагические краски.

— Надо было сыграть в «Ревизоре» унтер-офицерскую вдову. Коротенькая роль, которой обычно смешили на несколько минут публику, и только. Я почувствовала, что при моей фактуре нужно что-то другое. Я появлялась в тальме, в шляпке с пером, в перчатках... с рваным пальцем. Я играла до глубины души оскорбленную гордость, живущую в этой жалкой фигуре. «Меня, унтер-офицерскую вдову, высекли!..».

Но больше всего я полюбила играть в сказках... Даже такую заигранную, заштампованную роль, как мать двух дочерей в «Золушке», мне хотелось сделать новой, не похожей на прежние.

...Мне живо помнится по прошлому сезону этот спектакль. Леонтьева, действительно, была очень своеобразна, нетрадиционна. Эта мать была изящнее, воспитаннее своих дочек, она пыталась вразумить, обучить своих неуклюжих красоток с видом отставной светской львицы, во всем ее облике читалось: возись тут с вами...

— Я люблю театр, — говорит Зинаида Васильевна. — Даже если я не играю в какой-то вечер, то все равно туда иду. Я никогда никому не завидовала, и сейчас я радуюсь самой крошечной, эпизодической роли. Я могу с упоением выходить на сцену, чтобы произнести одно-два слова. Выходить на сцену — значит играть, творить! Для меня это значит — жить. А если так, надо работать. Помню, я играла мать Павла Корчагина. Маленькая роль... Но мне была важна не только вся ее внутренняя суть, много раз выверенная, продуманная...

Я ГЛЯЖУ на эту красивую, живую, с смеющимися глазами женщину и начинаю понимать секрет человеческого счастья. Он где-то внутри нас. Надо, наверное, уметь забывать о себе ради дела — это вознаградится. И оживает старая, тысячу раз повторенная мысль Станиславского: не себя в искусстве любить надо, а искусство в себе, свою способность творить...

Л. НОСКОВА.

На снимке: З. В. Леонтьева.